

Великие актеры
театра и кино

МИХАИЛ ЗАХАРЧУК

11 ЗВЕЗД ТАГАНКИ

МОСКВА

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
3-38

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© biz10 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Захарчук, Михаил Александрович.
3-38 11 звезд Таганки / Михаил Захарчук. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с. — (Лучшие биографии).

ISBN 978-5-04-238614-5

Эта книга об одиннадцати самых известных людях самого известного, можно даже сказать скандально известного советского Театра на Таганке. Среди отечественных творческих коллективов Таганка, пожалуй, единственный в стране, у которого три взаимоисключающие биографии.

С момента образования в 1946 году он был Московским театром драмы и комедии. Потом стал Московским театром драмы и комедии на Таганке. А затем и вовсе разделился на две труппы.

Но эта книга — о главном Театре на Таганке. О том театре, где больше полутора десятка лет на подмостки выходил легендарный Владимир Высоцкий. Здесь читатель найдет уникальные, эксклюзивные факты из жизни звезд: Владимира Высоцкого, Анатолия Васильева, Николая Губенко, Николая Дупака, Валерия Золотухина, Юрия Любимова, Зинаиды Славиной, Вениамина Смехова, Леонида Филатова, Бориса Хмельницкого, Леонида Ярмольника.

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

© Захарчук М.А., 2026
**© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026**
ISBN 978-5-04-238614-5

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Для начала позвольте, любезный читатель мой, напомнить вам некоторые справочные прописи. Так сказать, для ориентировки. Московский театр драмы и комедии был основан в 1946 году. Руководил им Александр Плотников. В труппу вошли несколько десятков воспитанников московских театральных студий. Наиболее известным среди них считался Готлиб Ронинсон. Никаких лавров у столичной публики тот драматический коллектив не стяжал. Более того, в начале 1960-х годов он оказался одним из наименее посещаемых театров Москвы и Подмосковья. Осенью 1963 года в театр назначили директором Николая Дупака — фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны, ведущего актера и секретаря парткома Театра имени Станиславского. Ему предстояло вытащить труппу из глубочайшей творческой, а заодно и финансовой пропасти. Проблему руководство от культуры даже очертило так: «Не справитесь, Николай Лукьянович, с партийным поручением — мы театр этот закроем». То есть ему понятно, что нужны были меры экстраординарные. И Плотникову пришлось уйти в отставку. На должность главного режиссера Дупак пригласил Юрия

Любимова, который играл в Театре имени Вахтангова. К захватывающим подробностям этой, без преувеличения, исторической встречи двух «фундаторов» — основателей театра — мы еще не раз вернемся. Пока что отметим главное. Именно Дупак разглядел в довольно посредственном актере Любимове режиссерские задатки. Именно Николай Лукьянович добавил к прежнему наименованию театра красноречиво-уточняющее «на Таганке». Именно он придумал, нарисовал и, главное, утвердил «в инстанциях» эмблему театра — красный квадрат с черными словами по периметру: «Московский театр драмы и комедии на Таганке», ставший театральной легендой всего Советского Союза.

В жизни автора сих строк Таганка не просто московский театр — Атлантида моей молодости, воспоминания, слаще которых могут быть разве лишь времена рождения собственных детей и внуков. Скажу больше. Многие творцы из этого уникального драматического коллектива: Высоцкий, Дупак, Славина, Любимов, Золотухин, Филатов, Ярмольник, Васильев, Губенко, Хмельницкий, Смехов самым серьезным образом повлияли на мое мировоззрение, на то, что нынче модно именовать менталитетом. К воспоминаниям об этих и некоторых других актерах Театра на Таганке я сейчас и приступаю. И помощи мне, Господи, быть, елико возможно, честным в тех воспоминаниях.

Владимир Высоцкий

*...Мы успели, в гости к Богу
Не бывает опозданий.
Так что ж там ангелы поют
Таковыми злыми голосами?
Или это колокольчик
Весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням,
Чтоб не несли так быстро сани?

Чуть помедленнее, кони,
Чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались
Привередливые...
Коль дожить не успел,
Так хотя бы — допеть.
Я коней напою, я куплет допою,
Хоть немного еще постою на краю...*

* * *

Под занавес восьмидесятых слава Высоцкого достигла своего пика. Им восторгались жители огромного Советского Союза и почти всех социалистических стран. Отбросив ложную скромность, могу смело утверждать, что и я в те времена уже отдавал себе отчет в том, сколь велика эта фигура в мире театральном и особенно в мире поэтическом. Разумеется, я жаждал с ним общения. Рано или поздно цели своей добился бы всенепременно. И вот почему. С ним давно уже дружил мой начальник редакторского отделения — полковник Анатолий Григорьевич Утыльев. Личность эта по-своему легендарная. Службу свою офицерскую он начинал в первом отряде космонавтов в должности начальника ПДС (парашютно-десантная служба). Все космонавты первого набора: Иван Аникеев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Георгий Шонин, Евгений Хрунов были поэтому его лучшими друзьями. Уйдя на повышение и став помощником начальника политуправления ВВС по комсомольской работе, Утыльев продолжал курировать отряд космонавтов.

Рассказчик Утыльев был знатный и одновременно задушевный. Никакого артистизма, тем более нарциссизма, никаких пережимов. Говорил юморно, тихо, почти застенчиво, а всегда — заслушаешься. Еще бы: «Космос всегда находился под семью печатями се-

кретности. Те, кто слетал, сразу становились героями, и весь мир о них узнавал. Но о тех, кому еще предстояли полеты, даже родные слыхом ничего не слышали. Попасть в отряд космонавтов было сложнее, чем на ракетно-ядерную базу. И вот мы с Женей Тяжельниковым (первый секретарь ЦК ВЛКСМ) решили ломануть эту замшелую систему. На одном из закрытых мероприятий подошли вдвоем к Брежневу и наперебой пожаловались, что у наших космонавтов среди развлечений: кино, бильярд и домино. Леонид Ильич подзвал министра обороны Гречко: «Андрей Антонович, ребята тут сетуют и, по-моему, справедливо. Ты разберись и мне потом доложишь». Мы давай ковать железо, пока оно горячо. Говорим: надо для космонавтов регулярно устраивать концерты с участием лучших артистов страны. А для этого желательно и платить им соответственно. Короче, с тех пор в Звездном городке кто только не побывал. Многие шли, конечно, из-за хорошего гонорара, мы вдвое, иногда и втрое больше платили, чем на гражданке. Но большинство — по соображениям престижности. Ты спроси тех же Высоцкого, Ротару, Пугачеву, Гнатюка, да даже Кобзона, и они тебе скажут: выступление перед космонавтами приравнивалось тогда к знаку качества и открывало потом практически неограниченные возможности перед деятелями культуры. Мы в самом деле приглашали только и исключительно лучших из лучших.

...А Высоцкого и Гагарина я познакомил. Новый, 1965 год мы встречали в квартире инженера Валерия Сергейчика в Звездном городке. Он временно «холостя-

ковал» — домочадцы уехали на родину. Компания собралась шумная и многолюдная: Николаев, Хрунов, Горбатко, Быковский — да всех разве упомнишь. У Вали мы и заночевали — кто где. Проснулся я по привычке раненько, все еще дрыхли. Звонок в дверь. Открываю — Юрий Гагарин: «Толя, мне вчера подарили необычную кассету: какой-то парень поет просто потрясающе. У вас же есть магнитофон. Давай послушаем». И Юра врубил магнитофон на всю катушку — ребята как очумелые вскочили. Ну а я по первым аккордам узнал, кто поет. У меня солдатом служил Толя Васильев, которого мы призвали из Таганки. Он меня со своим поющим коллегой и свел. «Так это ж Высоцкий», — говорю. Юра зажегся: «Обязательно познакомь меня с ним!» На следующий день была суббота, и они оба прибыли ко мне на квартиру. Гагарин еще кого-то привез с собой на «Волге» — тоже не помню. Зато железно знаю, что они понравились друг другу. Само собой, сели за стол. Пошли тосты. Володя, правда, даже не нюхал спиртного, находился «в завязке». Но как он пел! «Пока вы здесь в ванночке с кафелем...», «Тот, кто раньше с нею был», «Серебряные струны», «Не уводите меня из весны», «Бал-маскарад», «Зэка Васильев и Петров зэка», «Про Сережку Фомина». И еще другие песни, которые я, естественно, запомнил. Мишаня, ведь почти сорок лет минуло с тех пор! Я много раз слушал его в разных аудиториях, но такого исполнения, как тогда, и не припомню. Виделись ли Гагарин с Высоцким после той встречи? Это вряд ли. Кто-то из них мне бы обязательно сообщил. А вот в Звездном городке Володя побывал. Он давно мечтал посмотреть центрифугу, баро-

камеру и другие аппараты, на которых тренировались космонавты, — не раз мне о том говорил. Но в те времена центрифуга считалась суперсекретным объектом. В пристально охраняемом Звездном ее еще и специально охраняли. И я об этом Высоцкого предупредил. Но однажды он меня, что называется, припер к стенке: «Веди, а то обижусь!» Ну как тут откажешь? Потолковал я с начальником отдела генералом Газенко. У него, между прочим, Юра Сенкевич тогда еще капитаном работал. Олег Георгиевич с трудом согласился. Кроме Высоцкого я еще прихватил Борю Хмельницкого и Толю Васильева. Пришлось нам срывать пломбы, снимать часового. Непростая операция, с учетом того, что ее еще надо было сохранить в тайне от высокого начальства. Сначала показали гостям трехплоскостной стенд для тренировки вестибулярного аппарата. Потом пошли на центрифугу — самую мощную по тем временам в мире. Машина на самом деле! Открыли Володе кабину. Он полежал в кресле, в котором еще Гагарин тренировался, кнопки всякие понажимал. Вылез. Мы запустили аппарат. Предложил Володе покрутиться. «Нет, братцы, малость мандражирую», — признался. Может быть, и потому, что мы ему честно рассказали: никто из космонавтов центрифугу не жаловал. А Гагарин так и просто терпеть ее не мог. Однако я очень доволен, что для Высоцкого тот визит на центрифугу не прошел даром. Помнишь:

*Я затаился и затих, и замер,
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.*

И вот именно благодаря Утыльеву мне и посчастливилось близко сойтись с Владимиром Высоцким. Хотя и тут не обошлось без пушкинского: «Случай — бог изобретатель». В конце семидесятых артист и бард начал строить дачу на половине участка киносценариста Эдуарда Володарского. Не сам, разумеется, а мастера строили. Да оказались по факту никудышными людьми. Отделывая дом изнутри, запустили автономное отопление. Потом выпили и ушли, забыв его выключить. А дело было в канун 1979 года, когда в Москве стояли жуткие морозы. Воробьи на лету замерзли. Вот Володино отопление благополучно и разморозилось.

Случись такая неприятность в наше время, мы бы что предприняли? Да элементарно обратились бы в специальные конторы, службы. В те достославные годы все решалось по принципу, Аркадием Райкиным сформулированному: «Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведда достал дефицит!» Или решил проблему — не имеет значения. Почему и всплыла моя фамилия. В театре все знали, что есть такой старлей Захарчук, способный быстро «решать возникающие вопросы». Заместитель директора Кислицкий и посоветовал Высоцкому обратиться ко мне. Янклович его поддержал. Владимир Семенович позвонил Утыльеву: «Там у тебя учится такой Захарчук. Говорят, разбитной малый. А у меня тут геморрой возник с дачным отоплением. Как полагаешь, он мог бы помочь?» Утыльев потом рассказывал, что выдал мне наилучшую характеристику. В том смысле, что этот старлей (то есть я) в лепешку расшибется, но

дело сделает. И уже через час Высоцкий меня подробно инструктировал:

— По Профсоюзной едешь все время прямо. На 36-м километре сворачиваешь вправо. Там — дачи Госстроя и писательский поселок Пахра. Увидишь забор из новых некрашенных досок — это и есть моя дача. Вот ключи. Как войдешь в дом, там, слева, твоему взору откроются пять разрывов в трубе. Их надо заварить. Толя Утыльев сказал, что на тебя в этом смысле можно положиться. Да и ребята говорят, что парень ты не промах. Удачи!»

Кажись, Наполеон первым заметил: главное — ввязаться в бой, а там кривая авось да вывезет. Но мне уповать на кривую было верхом легкомыслия. Поэтому я для начала поехал к уже знакомому читателям начальнику строительного управления полковнику Новикову. Упал ему в ноги и честно, как на духу, признался: вот-де назвался перед Высоцким груздем, а в кузов лезть не то что страшно — нелепо, — ничего же не смыслю в автономном отоплении. Помогите. Виктор Федорович вызвал майора Анатолия Кукиля, старших лейтенантов — Николая Бородачева, Виктора Дударева и устроил «совет в Филях». Впервые я обнародую эти фамилии офицеров, которые в трудную минуту оказали мне просто-таки неоценимую помощь. Как знать, а вдруг кому-то из них попадутся на глаза эти строки... Наутро у меня был автомобиль «рафик» со сварочной аппаратурой и двумя солдатами: водителем и газосварщиком. И мы поехали по указанному адресу.

Поселок Троицк (бывшая Красная Пахра), где располагалась дача Высоцкого, сильно занесло снегом. Утопая

в нем по пояс, мы с бойцами еле добрались до крыльца. С трудом открыли заледеневшую, закиданную снегом дверь. Слева на трубах отопления оказалось действительно пять белых барашков, но когда я обследовал оба этажа пахнущего свежей стружкой помещения, насчитал в системе тридцать четыре повреждения! Попробовали их заваривать — не получается. Лед становился водой, вода — паром, и последнюю точку газосварки вышибало как пробку. Ежу стало понятно: покуда не сольем воду из системы, трубы не починим. А общая длина труб — далеко за сотню метров. Посидели, покурили, чаю из моего термоса попили и поехали к знакомому заведующему солдатским клубом в Ватутинке-1 майору Валерию Николаеву. У него раздобыли паяльную лампу. Вернулись на дачу. Стали отогревать трубы — быстро загораются недавно проолифленные под ними доски. Так чего доброго и дом можно спалить. Нужна была асбестовая или хотя бы шиферная прокладка. Голые газосварщик и водитель чертыхаются. Еду с ними в столовую местного Дома офицеров, кормлю обоих, а потом затемно возвращаюсь в Москву.

В тесной администраторской комнате Высоцкий в свидригайловском, кажись, халате расспрашивал меня, что к чему. Честно, как на духу, ему отвечал, что даже если и запущу отопление, а запущу его всенепременно, то все равно оно для наших подмосковных морозов, прямо скажем, говенное. Мыслимо ли: батареи в доме с книжку величиной. При наших-то зимах! Там надо обыкновенные, чугунные устанавливать. Володя возмущается, чертыхается: ведь инженер систему проектировал! Валерий Янклович, администратор те-

атра и, безусловно, самый близкий друг Володи, стоит за его спиной и зло так шипит на меня: «Да не компостируй ты ему мозги теми трубами! Как-нибудь без него справимся». А Семеновичу, вижу, интересны мои подробные, хоть и пустячные рассказы. Все же первое в жизни свое жилье возводил. Почти неделю потом я валандался с тем отоплением и каждый вечер перед Володей держал подробный отчет. Он больше всего досадовал оттого, что не мог, как мы с Валерой Янкловичем, коньяк пить. В очередной раз «зашит» был. В итоге все трубы мы починили и даже сделали пробную топку, но потом полностью слили воду из системы, чтобы она по новой не разморозилась. Напомню читателю: зима, о которой вспоминаю, была единственной за столетие, в которой все три календарных месяца стояли морозы в 25 и больше градусов. Летом того же года, как я и предрекал, все батареи отопления были заменены.

Ну что я вам должен заметить, дорогой мой читатель. У каждого из нас есть в жизни примечательные моменты, памятные случаи, которые не выветриваются из памяти, не уходят в небытие, а остаются с нами на всю последующую жизнь. Такое событие для меня — починка отопления на даче Высоцкого. Боже ж ты мой, как я гордился той своей работой — этого вам словами не передать! Моя жена Татьяна даже со временем вывела такую закономерность. Тебя, говорит, сразу можно уводить из хмельной компании, когда ты начинаешь хвастаться тем, что чинил отопление у Высоцкого: значит, напился. И, пожалуй, супруга права. Трезвый я всегда понимаю всю пропасть, которая существовала между мной и Высоцким — друзья-

ми мы никогда не были. А вот когда выпью, пропасть та сразу мелеет, и я ее одним прыжком запросто перемахиваю. Тем более если к тому меня понуждают благодарные слушатели в разгоряченной компании. Притом ведь, что мне даже привирать особенно не надо. Отопление я действительно чинил, и о том весь Театр на Таганке знал, как знали в театре об особо теплом ко мне отношении Высоцкого. А то, что неделю моего отсутствия в академии прикрывал Анатолий Утыльев, так про это он и сам, когда жив еще был, всем с гордостью рассказывал, дескать, какие мы с Захарчуком молодцы! А поди не прав?..

*Какого цвета моя ложь,
Когда с лихвою пьян?
Когда стакан и с вилокй нож
Наверстывают план
Застолья долгого?
Мое ли в прочих словесах
Летит завидное вранье?
На всех ли парусах?
Какую меру впопыхах
Пытаюсь превзойти?
Чью веру и на чьих правах
Поворотить с пути?
Какого черта и рожна
Плутаю стороной,
Где лишь мелодия нежна
Ко мне любой ценой?*

Всегда вспоминаю эти строки моего друга поэта Юрия Перфильева, когда думаю о Володе Высоцком. А чем старше становлюсь, тем больше о нем думаю.

Все-таки мне подфартило так, как удивительно кому везет: близко знать и продолжительно общаться с таким великим, да что там изобретать лингвистические фигуры — гениальным творцом...

Если раньше Володя смотрел на меня как полковник на капитана (как раз это звание я вскорости получил и поэтому еще всегда ходил в театр в форме), то после дачной эпопеи просто-таки заметно потеплел. Как говорится, воочию убедился, что заяц трепаться не любит. Даже стал кликать меня Мишаней. Последнее обстоятельство и подвигло меня на поступок, при ином раскладе в то время немыслимый — перед Высоцким я всегда благоговел. А тогда осмелился и попросил артиста дать интервью для воинов-сибиряков. Газету Сибирского военного округа «Советский воин» редактировал тогда мой очень близкий друг полковник Борис Андреевич Чистов, с которым я лейтенантом служил в Бакинском округе ПВО. К слову, он страстно почитал творчество Высоцкого. Однако Семенович более чем скептически отнесся к моему предложению. Возразил типа того, что если, дескать, меня в гражданских газетах и журналах не печатают, то в военных — и подавно. Тем не менее я проявил настойчивость и вручил ему заранее подготовленный материал, именуемый на журналистском жаргоне «рыбой». Володя осадил меня своим обычным: «Мишаня, не напрягай!» За очередной рюмкой я пожаловался Янкловичу: «Как смотрел на меня Высоцкий, словно на салагу, так и продолжает смотреть. Обидно, да?» Каково же было мое удивление, когда Валера достал из ящика стола мой материал,

поправленный и подписанный Высоцким: «Воинам-сибирякам добра желаю!»

— Возьми, капитан! И будешь ты непременно майором! — сказал, смеясь, Янклович. — Это не мои — Володины слова!

Материал «Многоликая муза Высоцкого» под рубрикой «Встречи для вас» был опубликован. (Газета, моя рукопись с автографом артиста и барда находятся сейчас в музее его имени.) Друг мой Чистов, естественно, получил выговор от ГлавПУра, зато мои котировки в самом театре, да и перед Высоцким значительно повысились. Каждая встреча с ним по-прежнему оставалась для меня праздником. Досадно лишь от того, что дневник на ту пору я вел, мало сказать, из рук вон плохо — преступно халатно. И тем не менее мозгов хватило все, что говорил при мне Владимир Семенович, записывать в блокнот. Вот лишь некоторые высказывания, которые точно помечены фамилией барда. К сожалению, когда и по какому поводу они были Володей произнесены, а мной записаны — установить в каждом конкретном случае уже затрудняюсь, а литературно, в угоду рукописи, пофантазировать тоже совесть не позволяет..

«Во всяком самоубийстве есть своя высота и непостижимость резонансов для тех, кто остался жить».

«Мне не нужен твой шаг навстречу. Шаг сделай — спасибо скажу».

Речь зашла о каком-то коллективном письме. Владимир Семенович заметил: «Это — клановая обида. Еще Гоголь писал, что стоит в России сказать что-нибудь эдакое об одном коллежском асессоре, как все

коллежские ассессоры от Петербурга до Камчатки принимают реченное на свой счет».

«Подоплеку всех сложностей всегда просты и незамысловаты».

«Никогда не обещай того, чем не владеешь».

«— Знаешь, Мишель, что было самым главным на войне?»

— Затрудняюсь. Вот в танке...

— Да, в танке главное — не бздеть. А на войне все вращалось вокруг самого важного и самого главного: уцелеть!»

«В мирное время дезертирство еще простить можно. Смотря по обстоятельствам. В военное — никогда».

Высоцкий процитировал строки, откровенно восхищаясь их аллитерацией: «Стихия свободной стихии / С свободной стихией стиха». (Я постеснялся спросить, чьи это стихи. И лишь позже установил: Пастернака.)

«Да, это правда, в мою глотку многие бы и с удовольствием воткнули кляп. Не получается! Не даюсь! Так они, суки, долго и взасос нороят меня целовать!»

«В мыслях и думах мы все часто преступники».

«Ребятки, да пыль во всем мире одинакового цвета!»

«А если поэзия не песенна, то это и не поэзия вообще».

«Жажда веры — самая неутолимая жажда».

«Даже когда сытно ешь и сладко пьешь, о суме и тюрьме помни».

«Вообще-то, должен вам, братцы, заметить, что дядюшка Джо — так Сталина величал Черчилль — писал очень даже недурственные стихи».

«Гений и злодейство — две вещи несовместные? А очень даже совместные».

«Я давно убедился: горы уважают друг друга».

«Так жизнь свою куцую и прожил, не задирая головы».

«Бывают случаи, когда героизм и тот может быть жалким».

«Хороший анекдот — это смешная мысль в тубике».

«Обстоятельней всех в душах людишек поковырялся Федор Михайлович».

«Вокруг всякой роли надо пахать нивку. Кругами. И чем шире круги те будут, тем глубже роль получится».

«Я бы всем поэтам прощал трусость».

«Слушать эпоху! Какая глупость несусветная! Слушать всегда надо человека».

«У Шота Руставели витязь на самом деле в барсовой шкуре. В крайнем случае в леопардовой, но уж никак не в тигровой, как нам со школьной скамьи талдычат».

«Он так щедро лжет, что поневоле ему веришь».

«Часто и радостно грею душу военным и послевоенным детством».

«А ты сам себе придумай Бога».

«Чистоту и простоту мы у древних берем. У современников можно разжиться лишь глупостью, наглостью и вселенским цинизмом».

«Гамлетовская тяжелая связь времен».

«Поэзия не любит натуральных величин».

«Это, возможно, и правда, но очень уж неумело размалеванная».

«Наш ЮП (так в театре звали Любимова. — М.З.) не понимает, что деспотизм столь же непродуктивен, как